

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Печать первого
типографа
Европы Иоганна
Гутенберга имеет
уникальную
силу...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Печать Иоганна Гутенберга

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Печать Иоганна Гутенберга

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Печать Иоганна Гутенберга / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-113528-7

Иоганн Гутенберг более шестисот лет назад изобрел книгопечатание, стал первым типографом в Европе, а затем и в мире. Его печать имеет уникальную силу и стоит в наши дни целое состояние... Женя Кукушкина работает в маленьком книжном издательстве и очень боится привидений. А ведь ей часто приходится иметь с ними дело. В Третьем Цеху, куда по работе ей часто приходится бегать, обитает Некто, по легенде повесившийся бывший редактор. Женя часто слышит посторонние голоса и звуки и оставляет призраку небольшое подношение. Сегодня Женя нашла в Цеху самый настоящий труп мужчины со шрамом и старинную печать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113528-7

© Александрова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Александрова, Наталья Николаевна. Печать Иоганна Гутенберга

© Александрова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

– Евгения! – Женя вздрогнула, оторвалась от своей корректуры и подняла голову.

Софья Петровна строго смотрела на нее поверх очков.

– Евгения, – повторила она недовольным, как обычно, голосом. – Нужно на склад сходить. Нужно принести Роману Васильевичу две пачки. Ну, ты знаешь.

Роман Васильевич, их постоянный автор, унылый и занудный тип лет пятидесяти с зачесанными на лысину жидкими волосами, бросил на Женю тусклый взгляд. Точнее, не на нее, а сквозь нее. Женю он принципиально не замечал, видимо, считал ее предметом офисной мебели или оргтехники. Перед ним лежала коробка дешевых конфет – он каждый раз приносил такую Софье Петровне, это называлось у него «подсластить жизнь». Коробки были всегда одинаковые – видно, купил по случаю целую партию. Наверняка конфеты давно засохли.

– Почему я? – проговорила Женя, уже зная ответ. – У меня еще работа не закончена!

– У всех работа! – сухо ответила Софья Петровна. – Кроме того, у Настасьи Ильиничны, как ты знаешь, радикулит, у Леры сосудистая дистония, а у меня... – она не закончила фразу, громко закашлявшись. Ну да, у нее то ли хронический бронхит, то ли трахеит, то ли еще что-то в этом роде.

Женя вздохнула и поднялась. Она знала, что все равно придется идти, и лениво отбивалась без надежды на успех, скорее по привычке. И еще она отлично знала, в чем настоящая причина того, что никто из ее коллег не хочет идти на склад. В том, что при этом волей-неволей придется пройти через Третий Цех.

Женя вздохнула, взяла в углу тележку, вышла в коридор, огляделась по сторонам.

Возле лифта, прямо под табличкой «курение запрещено», курил охранник из «Алиби» Георгий. Увидев Женю с тележкой, Георгий плотоядно ухмыльнулся и проговорил:

– Что, опять на склад?

Женя взглянула на него исподлобья – зачем спрашивать? Что, так не видно?

А Георгий не унимался:

– Через Третий Цех пойдешь?

– А что – ты знаешь другую дорогу?

– А ты знаешь, что там случилось тридцать лет назад?

Женя тяжело вздохнула и закатила глаза. Началось! Она ушла бы, но нужно дождаться лифта.

А Георгий не хотел лишиться себя удовольствия, рассказать ужастик вроде тех, что рассказывают перед сном друг другу дети.

– Один инженер-ботаник задержался после конца смены, что-то ему надо было то ли проверить, то ли измерить, и уронил в чан с кислотой очки. Попытался достать их, наклонился над чаном, у него от испарений закружилась голова, и он – бултых! Так от него – представляешь – через пять минут ничего не осталось. Совсем ничего! Но с тех пор каждый вечер его призрак появляется в Третьем Цеху, ходит по цеху и повторяет: «Где мои очки?! Где мои очки?!»

Женя слышала эту историю уже десятки раз, причем в самых разных вариантах, но Георгий последние слова произнес очень артистично, с жуткими подвываниями, так что у Жени озноб пробежал по спине. Чего этот тип и добивался.

К счастью, в это время подошел лифт, и Женя шагнула вперед.

Она спустилась на первый этаж, прошла по пустому полутемному коридору, толкнула железную дверь.

Дверь отворилась с громким надрывным скрипом. Точнее, даже стоном. Тоскливым, унылым, душераздирающим. Точнее даже, стоном. Но открылась не до конца – что-то ей мешало.

Третий Цех.

Женя протиснулась внутрь, протасила тележку, пошла вперед, стараясь не поднимать глаза и не отклоняться от узкой тропинки, проторенной между старыми, ломаными станками и пустыми фанерными ящиками.

Ей казалось, что она идет по заколдованному лесу, где за каждым деревом таится что-то загадочное и опасное, где из-за каждого куста за ней следит чей-то враждебный взгляд, и не дай бог сойти с тропинки – тут же тебя схватят липкие руки...

Но тут справа раздался едва слышный шорох, и она не выдержала, подняла глаза, посмотрела в направлении этого звука, хоть и знала, что этого не нужно делать.

Ничего, конечно, не увидела, кроме груды полуистлевшей бумаги, но на всякий случай тихонько произнесла:

– Это я! Ты как здесь?

В ответ в углу снова что-то зашуршало.

«Может быть, это просто кошка?! – подумала Женя. – Ну, или крыса... тоже, конечно, неприятно».

Шорох не прекратился, более того – из угла донесся едва слышный шепот.

Едва слышный, невнятный – но Жене показалось, что она разобрала в этом шепоте различимое слово:

– Пос-спеш-ши...

Женя закусил нижнюю губу, дошла до знакомого ящика, положила на него заранее припасенную конфетку, снова опустила глаза и пошла дальше.

Она каждый раз оставляла на этом ящике какое-нибудь небогатое приношение – конфету, пирожок из ближней пекарни, бутерброд с сыром... ей казалось, что таким образом она наладит отношения с таинственным обитателем Третьего Цеха. Может быть, даже подружится с ним. Но все равно ей было страшно.

Потому что на самом деле она понимала, что все это плод ее воображения, что на самом деле никто не верит, что в Третьем Цеху водится привидение. Ну как можно в двадцать первом веке верить в привидения? Это же не Средневековье замшелое... А дурак Георгий просто пугает ее, причем только ее, поскольку больше никто давно уже не ведется на его байки.

Но что Женя может поделать, если ей действительно страшно? И она придумала такой нехитрый ритуал. Как будто она верит в того, кто обитает в Третьем Цехе, кто бы он ни был. И каждый раз она оставляла ему гостинец в знак дружбы. И, разумеется, никому и никогда об этом не рассказывает, еще не хватало, засмеют ведь совсем... Так что пускай это будет их общий секрет.

До следующей двери оставалось совсем недалеко, может быть, шагов десять, но тут справа от тропинки снова раздался шорох. Женя опасливо вскинула взгляд...

И застыла на месте, как громом пораженная.

На сером бетонном полу, на пятачке свободного места между громоздким прессом и грудой ржавых деталей лежал человек. То есть не живой человек, а труп. Труп мужчины лет сорока, с темными, с проседью волосами.

Он был, несомненно, мертв – открытые, близко посаженные, обращенные к потолку глаза были затянуты мутной бессмысленной пленкой, голова повернута под немислимым, невозможным углом. Правую бровь пересекал старый белесый шрам.

– Мама! – пискнула Женя, похолодев от ужаса, и стрелой кинулась вперед.

В секунду она добежала до второй двери, толкнула ее, вылетела в коридор, пробежала еще пару десятков метров и остановилась перед дверью склада, перевела дыхание.

Так. Главное – успокоиться... главное – взять себя в руки... чтобы никто не заметил, в каком она состоянии...

Она толкнула дверь, вошла на склад.

И нос к носу столкнулась с Валентиной.

Валентина, их кладовщица, была женщина язвительная и вредная. Ей ничто не доставляло такого удовольствия, как чужой испуг и растерянность. Крупная, плечистая, с круглым красным лицом, она стояла напротив двери, уперев руки в бока.

– Там... – выпалила Женя, безуспешно ловя воздух ртом, – там, в Третьем Цеху...

Она не смогла договорить, ей не хватило воздуха – да Валентина и не ждала от нее ничего внятного и членораздельного. Она наслаждалась ее ужасом.

– А что это на тебе лица нет? – проговорила она насмешливо. – Ты что, привидение встретила?

– Никого я не встретила! – выпалила Женя.

Ей не хотелось подыгрывать Валентине. Не хотелось доставлять ей такое удовольствие. И от этого чувства она даже пришла в себя и немного успокоилась. Во всяком случае, сердце перестало колотиться где-то у горла, и руки не дрожали.

– Точно не встретила? – недоверчиво переспросила кладовщица. – Может, видела ту девчонку?

– Ка... какую девчонку? – против своего желания переспросила Женя. – Почему девчонку?

Она хотела рассказать о мертвечке, которого видела в Третьем Цехе, но насмешливый голос и ехидный взгляд Валентины отбили у нее всякую охоту. Лучше бы рассказать кому-нибудь другому... или вообще промолчать... пусть уж кто-нибудь другой...

– Что – не знаешь? Ты ведь через Третий Цех шла?

– Конечно, через третий, – Женя быстро взглянула на кладовщицу. Та явно наслаждалась ее страхом, и Женя мысленно поклялась, что не даст слабинку.

– Ну да, через Третий, – повторила она твердо. – Будто ты не знаешь, что здесь нет другого пути.

Другой путь вообще-то был. Можно было выйти из склада на улицу и снова войти в здание через главный вход, но для этого пришлось бы каждый раз оформлять пропуск на все книги и бумаги, которые везешь со склада. А кто же его оформит, если можно пройти внутри здания? Вот и приходилось идти через Третий Цех...

– А ты что – разве не знаешь, какая история случилась в Третьем Цеху сорок лет назад?

– Сорок? – переспросила Женя. – Разве не тридцать?

– Сорок, я точно знаю! В Третьем Цеху работала одна девчонка, лет двадцати. То есть, когда она устраивалась, она себя выдала за парня. Потому что здесь было вредное производство, и женщин на него не брали. Зато платили очень хорошо. И еще молоко выдавали за вредность. В общем, предъявила она документы своего хахалы, они на лицо были немножко похожи, только у нее волосы длинные, так она их заколола гребенкой и спрятала под шапку...

Валентина сделала паузу, взглянула на Женю, чтобы убедиться, что та слушает, и продолжила:

– А потом, когда она работала на прессе, шапку сняла, потому что жарко, а гребенка выпала, и волосы длинные распустились, и их затянуло в пресс. Она, конечно, попыталась остановить пресс, выключить мотор, но не смогла дотянуться до рубильника... в общем, ей голову оторвало. Хрясь – и нету!

– О господи! – не выдержала Женя. И увидела, как круглое лицо Валентины еще больше расплылось от удовольствия.

– Все вокруг кровью залило! – продолжала она, смакуя подробности. – Месяц не могли отмыть! Да что месяц! Еще несколько лет эта кровь на полу проступала! Чем только не отмывали! А призрак той девчонки с тех пор каждый вечер появляется в Третьем Цеху, ходит и повторяет: «Где моя гребенка? Где моя гребенка? Отдайте мою гребенку!» – последние слова Валентина проговорила так артистично, что у Жени снова перехватило дыхание.

– Ладно, ты зачем пришла? – Валентина получила свою порцию удовольствия и успокоилась.

– Две пачки номера семьсот четыре! – выпалила Женя, радуясь возможности сменить тему.

– Семьсот четвертая – это у нас здесь... – Валентина пошла в угол, легко подхватила две пачки, уложила их в Женину тележку. – Только две пачки? Может, больше? Чтобы лишний раз не ходить? – Валентина ухмыльнулась.

– Только две, – Женя опасливо покосилась на дверь. Ей хотелось скорее уйти от Валентины, но страшно было снова идти через Третий Цех, страшно было снова увидеть труп.

Однако делать нечего. Она собрала волю в кулак и покатила тележку обратно к двери.

Прошла по коридору, остановилась перед дверью Третьего Цеха... набрала в грудь воздуха, закусил губу, толкнула дверь и решительно вошла в цех.

Только не смотреть туда... туда, где лежало это... этот...

Все было напрасно. Глаза сами уставились на то место, где она видела труп.

И что?

И ничего.

Трупа на прежнем месте не было.

Женя повертела головой.

Может быть, он лежал не здесь, а чуть правее или левее? Да нет, у нее в мозгу отчетливо отпечатались эта картина – он лежал именно здесь, между грудой ржавых железок и сломанным прессом. Она запомнила даже темное пятно на полу... вот оно, это пятно. А трупа нет.

Что же это – ей все померещилось? Привиделось? Может, у нее от страха начались галлюцинации? Или это и есть тот самый призрак, о котором все рассказывают с таким сладким ужасом?

Или тот человек не был мертв, а только потерял сознание, а потом пришел в себя, встал и ушел?

Нет, Женя была твердо уверена, что он был мертв.

Не бывает у живых таких мутных, пустых глаз... и такого безумного поворота шеи не бывает...

Так что же это было?

Женя подняла голову, внимательно огляделась, повторила вслух, хотя и негромко:

– Что это было?

И снова, как прошлый раз, из-за груды ржавых деталей донесся едва слышный шепот:

– Не с-спеш-ши...

Но она не послушалась этого шепота, она устремилась вперед, к двери... но по дороге не удержалась, бросила мимолетный взгляд на ящик, где оставила свое скромное приношение.

Конфетки не было. То есть, на прежнем месте лежал пустой фантик. Значит, он принял ее подношение... Конфету съел, а фантик оставил.

Женя машинально схватила фантик, и почувствовала, что он не пустой, что в нем что-то завернуто. Значит, тот, кто живет в Третьем Цеху, не принял ее угощение? Как странно...

Женя почувствовала, что, если она останется здесь еще чуть-чуть, у нее просто съедет крыша. Нет, нужно искать другую работу... так она долго не выдержит...

Она хотела выбросить фантик, но тут он сам собой развернулся, и на Жениной ладони оказалась странная вещь. Довольно тяжелая, сверху была плотная бомбошка из твердого темного дерева, а под ней...

Женя перевернула эту штуку и сразу поняла, что она очень старая, потому что ручка была отполирована прикосновениями множества рук. Под бомбошкой был такой кругляшок, судя по тяжести, металлический, скорее всего бронзовый, потемневший, старый... а на нем... на нем были вырезаны какие-то разводы, сложный орнамент из переплетающихся линий, может быть, из диковинных, экзотических растений. А может, Жене так показалось, поскольку, когда она снова посмотрела, то на кругляшке были уже какие-то вензеля.

На что это похоже? Женя покрутила вещь так и этак. Да это же печать! Ну да, старинная печать, а уж как она сюда попала... В этом цеху работали когда-то старые печатные станки, так может...

Женя отогнала от себя неуютную мысль, что печать-то могла валяться здесь хоть сто лет, но вот кто завернул ее в фантик от конфеты? От ее конфеты...

– Что это такое? – спросила Женя, оглянувшись. – Зачем ты мне это дал?

И тут вдруг тусклые лампы в железных намордниках, которые кое-где горели, стали гаснуть. То есть сначала освещение стало слабеть, как бывает в кинотеатре, а потом наступила кромешная тьма.

– П-постой-й... – прозвучало в темноте, – не спеши-и...

Дикий страх овладел Женей, ей казалось, что оттуда, из темноты, тянутся к ней длинные руки, которые сейчас схватят ее и навсегда оставят здесь, в этом подвале.

Женя не помнила, как рванула на себя дверь, и очухалась, увидев свет в коридоре.

Она пробежала остаток пути, толкая перед собой тележку, вылетела в коридор первого этажа, подбежала к лифту.

Кабина, к счастью, была на первом этаже.

В лифте Женя отдышалась и осознала, что все еще сжимает в руке эту странную печать. Ну, не бросать же ее здесь... И она сунула ее в карман джинсов.

«Нет, нужно искать другую работу», – подумала Женя, нажимая кнопку своего четвертого этажа. Тем более что скоро их всех и так уволят. На их четвертом этаже располагалось несколько мелких фирмочек, и постепенно всех их выжила одна компания, которой приглянулось это место под офис. Так что кто-то ушел сам, кто-то разорился.

Их издательство никуда не могло уйти – тут рядом склад, где еще такое место найдешь? Но владелица Елена Сергеевна была уже сильно немолода, к тому же болела, так что, когда ей сделали предложение о продаже издательства, она долго не думала.

«Все равно, – сказала она, – работать не дадут, опять же кризис».

И купил издательство тот самый господин Ушаков, чей офис на их этаже. Однако выяснилось, что по каким-то там законам или по уставу репрофилировать или закрыть фирму он сможет только через год, не раньше.

Ну вот, осталось несколько месяцев, и тогда все они пойдут на улицу, как говорит Настасья Ильинична и тут же добавляет, что ее-то дети прокормят. Софья Петровна в ответ поджимает губы и горестно кашляет: она-то одинока как перст.

Лера как всегда улыбается отстраненно, ее ничего не волнует. Женя пожимает плечами, в большом городе она работу рано или поздно найдет: хотя хотелось бы все-таки по профилю, не в школу же преподавать идти...

А пока суд да дело, на место Елены Сергеевны прислал господин Ушаков Альбину. Ну, это что-то...

Сразу себя показала, хотя в работе ничего не понимает. Всем дала понять, что у нее с хозяином свои особые отношения – может, и правда, Жене все равно. Но держится Альбина нагло.

«Нет, все же надо заняться поисками работы», – в который раз подумала Женя, выволакивая тележку из лифта.

С Альбиной она столкнулась в дверях, та была в пальто, стало быть, на обед собралась. Зыркнула на Женю и прошипела что-то насчет того, что смотреть надо, а то некоторые прутся прямо по ногам грязными колесами. Что было совершеннейшей неправдой, Женя ясно видела, что никого не задела. Ну, такой уж у Альбины характер.

– Ой, девочки! – радостно закричала Настасья Ильинична, когда дверь закрылась за автором, получившим свою нетленку. – Давайте скорее чайку попьем, пока нашей нету!

– Тише ты! – хрипло сказала Софья Петровна. – Еще услышит... не дай бог...

– А что, нам перерыв не полагается? Сама-то она, небось, каждый день на ланч ходит! Да не в «Макдоналдс» небось... Женя, ставь чайник-то, я пирожков принесла. Ох, и наломалась вчера у плиты, поясница отваливается...

Женя достала тщательно спрятанный чайник и чашки. Подошла Лера, сладко грезившая о чем-то в дальнем углу комнаты. Женя сунула пакетики в три чашки, Софья Петровна пила свой, из термоса. Она добавляла в чай какую-то травку от кашля. Женя как-то попробовала – вкус ужасный, просто отравка. Правда, и этот чай, из пакетиков, тоже отдает пареным веником, ну да ладно.

– Кушайте! – Настасья щедрой рукой высыпала на тарелку румяные пирожки.

Пирожки у нее были вкусные, но Женя осознала, что совершенно не хочет есть. Вспомнилось пустое полутемное помещение и труп, скорчившийся в углу. Надо же, как натурально он выглядел...

Ее передернуло.

Лера отщипнула крошечный кусочек пирожка и деликатно отправила его в рот.

– Очень вкусно... – прошелестела она под неодобрительным взглядом Настасьи Ильиничны, всем своим видом выражая, что она не может проглотить ни кусочка и жует только из вежливости.

– Женя, Лера у нас девушка хрупкая, питается воздухом, хоть ты поешь нормально!

И только Женя надкусила пирожок, как открылась дверь и они услышали ненавистный голос Альбины:

– Куда все делись? Опять дверь открытой оставили?

Это была вопиющая ложь, никогда они так не делали, если уходили, то всегда кто-нибудь оставался на дежурстве. Да и куда им ходить-то? В кафе внизу подают только кофе, чай и черствые булочки. Так уж лучше Настасьины пирожки...

Но Альбина строго-настрого запретила пить чай на рабочем месте, еще хорошо, что их столик от двери никак не видно.

Настасья Ильинична мигом убрала пирожки и чайник, Женя торопливо глотнула чаю, обожгла небо, едва не закашлялась. Софья Петровна со всей силы хлопнула ее по спине, одна Лера как обычно застыла в испуге с театрально поднятыми руками.

Когда Альбина появилась рядом, следы преступления были убраны, на столе только сиротливо томился термос Софьи Петровны с лекарственной бурдой.

Альбина, увидев термос, подняла левую бровь, и Софья демонстративно закашлялась. Альбина брезгливо поморщилась, отчего ее лицо с правильными в общем чертами и тщательно наложенным макияжем стало если не уродливым, то весьма непривлекательным, но по поводу термоса ничего не сказала. Развернулась на каблучках и прошла в свой кабинет, печатая шаг, как солдат на плацу.

Вот удивительно даже: такая, в общем-то, стройная, подтянутая женщина, а... походка тяжелая, ступает, как будто весит центнер.

«Это от злости», – бросила как-то в сердцах Настасья Ильинична.

Да уж, как ни посмотри, а директриса у них самая настоящая стерва, таких в кино показывают.

Альбина скрылась в кабинете и через минуту появилась снова в меховой жилетке. Если и была у сотрудников надежда, что Альбина просто что-то забыла и сейчас снова уйдет, то, увидев жилетку, все приуныли: это надолго.

Кабинетик у Альбины был крошечный, у них вообще издательство маленькое, всего две комнаты, тесно заставленные рабочими столами и стеллажами с книгами. Прежняя владелица издательства, Елена Сергеевна, дверь своего кабинета постоянно держала открытой. Так ей удобнее было работать: лишний раз словами по делу переброситься, опять же воздуха больше. Альбина же все время в кабинете закрывалась, чтобы сотрудники, не дай бог, не услышали, о чем она разговаривает по телефону. Да больно надо!

Так или иначе в кабинете было Альбине душно, и она установила кондиционер, из которого немилосердно дуло, поскольку кабинетик, как уже говорилось, был крошечный. И Альбина принесла меховую жилетку. Жилетка была норковая, фирменная и вызывала у сотрудников еще большую ненависть к начальнице.

– Нет бы как все люди, – ворчала Настасья Ильинична, – носочки шерстяные и жилеточку вязаную из дома принести, а она на-ка! – в меха вырядилась!

– Или уж вообще бы с кондиционером не заморачивалась, – хрипела Софья Петровна, – мне от ее двери и то дует!

Даже Лера, которую по наблюдению сотрудников вообще не интересовало ничто земное, негодуя фыркнула.

Теперь, увидев Альбину в жилетке, сотрудники поняли, что Альбина никуда не уйдет, нынче, значит, без обеда останется. На диету, что ли, села? Это плохо: и так заразой была, а от голода совершенно озверевает, кусаться начнет.

Женя вздохнула и пожала плечами. Что ж, если не суждено сегодня чаю попить, значит, так тому и быть.

И только было она уселась за свой стол, чтобы поработать над редактурой, как из кабинета послышался голос Альбины:

– Евгения, зайдите ко мне!

Вот еще тоже загадка: вроде бы Альбина не визжит и не орет, а голос противный.

Женя поймала сочувствующий взгляд Настасьи Ильиничны: «ужо тебе влетит ни за что!» И поняла, что так и будет. Хотя дела у нее вроде бы в порядке, от Альбины хорошего ждать не приходится. Ох, надо другую работу искать...

– Закройте дверь! – сказала Альбина, не поднимая головы, когда Женя вошла в кабинет.

Сесть, разумеется, не предложила, да она нарочно поставила такой стул неудобный, чтобы людям и в голову не пришло на него садиться. Лучше уж постоять.

– Значит, вы сейчас возьмете вот этот конверт и отвезете его по адресу... – Альбина протянула Жене бумажку с адресом, Женя разглядела только улицу, точнее, набережную Екатерининского канала, – и передадите Андрею Федоровичу в собственные руки.

– Кому? – растерялась Женя.

– Андрею Федоровичу Ушакову, – отчеканила Альбина, – да-да, именно тому самому. Вы все поняли?

– Но, Альбина Николаевна, – растерялась Женя, – но я... но мне... но у меня...

«В самом деле, – подумала она, – что еще за новости?»

Она сотрудник издательства, у нее работы непочатый край, а тут велят ехать неизвестно куда, то есть известно, конечно, но на это ведь полдня уйдет! В конце концов, можно ведь с обычным курьером документы послать, а в ее обязанности это не входит!

Разумеется, все слова застряли у нее в горле, как только она встретилась со взглядом Альбины.

Ну и взгляд у нее, просто как у Медузы Горгоны, от такого запросто окаменеть можно. Или уж на Женю она так действует.

Язык примерз к гортани, даже обожженное небо перестало болеть.

– Так вы все поняли? – повторила Альбина, и Женя против воли кивнула.

– Помните, в конверте очень важные документы, вы должны отдать их Ушакову в собственные руки. Только ему, никому ничего не оставлять и не передавать. Да, вот еще что, там охрана внизу в холле, так вы скажите, что вы – Альбина Королькова, вас пропустят.

«Это еще зачем?» – подумала Женя, но вслух, разумеется, ничего не сказала, а пошла к двери.

– И поторапливайтесь! – крикнула вслед Альбина. – В магазинах по дороге не застревайте и кофе не распивайте!

– Да я вовсе не собиралась, – не выдержала Женя, – а если не доверяете, то пошлите кого-нибудь другого, вот хоть Леру.

– Или сейчас, немедленно едешь по адресу, или ты здесь больше не работаешь! – прошипела Альбина, и Женя всерьез испугалась, увидев ее лицо.

Там была такая неприкрытая ненависть, что она отпрянула, как будто ее ударили по лицу. Мелькнула мысль бросить конверт на стол и уйти. Собрать свои немногочисленные пожитки – чашку, ложку, кое-что из косметики и блокнот для рабочих записей, сложить все в пакет и идти домой. А утром получить расчет и искать работу. Да, но где ее теперь найдешь? Кризис, издательства закрываются, здесь хоть какие-то деньги платят.

Она чуть помедлила и поняла, что Альбина победила.

– Головой за конверт отвечаешь! – прошипела Альбина ей вслед. – И чтобы не смела тут никому трепать, куда едешь!

«Да пошла ты», – подумала Женя.

Сотрудники сидели тихо, как мышки, даже Софья не кашляла. Никто не задал Жене никакого вопроса, она накинула куртку и вышла, запихнув в сумку конверт. Хорошо, что сумка большая, Женя привыкла таскать в ней рукописи.

В метро было по дневному времени свободно, Женя уселась в уголке, прижимая к себе сумку с документами, и задумалась, как дошла она до жизни такой.

Работала она в нескольких издательствах: у нее все-таки диплом филфака университета, вполне приличный английский, так что работу она нашла легко. И вот, крупное издательство, где ей нравилось работать и платили вполне приличные деньги, неожиданно не то чтобы разорилось, просто его хозяин совершенно переквалифицировался на другой бизнес и потерял интерес к книгоизданию. Потому как дохода это стало приносить гораздо меньше.

Издательство осталось, но сотрудников сократили втрое и урезали оставшимся зарплату. После чего издательство стало тихо умирать.

Женя этого уже не застала, она перешла в это крошечное издательство, поскольку выбирать уже не приходилось. Одно слово – кризис...

В первое время Жене было все непривычно в этом крошечном мирке, где сотрудники выполняли все сами, вплоть до таскания тяжелых пачек книг со склада. Хорошо, что склад был тут же, в подвале.

Бизнес-центр, где издательство занимало две комнаты на четвертом этаже, был перестроен из старого завода печатных машин. Завод этот был построен в начале прошлого века, так что стены оставили прежние, мощные, как в крепости, раньше умели строить. Оставили также и подвалы, где расположились склады. Подвалы были огромные, никто толком их не изучал, ходило про них множество слухов, вот как раз сегодня Жене снова рассказывали страшные истории. Некоторые всерьез утверждали, что в подвалах обитает привидение.

Женя не раз слышала в Третьем Цеху подозрительные шумы и шорохи, а сегодня вообще видела покойника. Да, но потом он исчез. Это от страха ей показалось, уверила себя Женя.

Нужно искать работу. Тем более что Альбина совершенно распоясалась. Если она будет использовать Женю, как курьера, то что дальше будет? Сегодня – документы отвези, завтра – кофе принеси, а потом вообще белье стирать заставит! А полы ей помыть не надо? Нет, пора, пора искать новую работу...

С такими мыслями Женя дошла по набережной Екатерининского канала до нужного дома и остановилась перед коваными воротами. Ворота были новые, красивые и абсолютно неприступные. Над воротами висела камера.

Женя потопталась немного перед воротами и заметила рядом маленькую калиточку. Калитка тоже была заперта, и не было видно никакого замка. Зато Женя увидела самую обычную кнопку. Нажала и подождала. Ничего не изменилось. Она подождала еще немного. Никакого эффекта.

«Плюнуть и уйти, – с тоской подумала Женя, – что, в самом деле, нанималась я, что ли...».

Но тут она вспомнила, с какой ненавистью поглядела на нее Альбина, и поняла, что если она вернется ни с чем, то и правда нужно будет увольняться. Да эта стерва еще и денег не доплатит!

Женя ударила по кнопке кулаком, и тотчас откуда-то сверху послышался голос:

– Чего тебе?

– Документы передать, – Женя вытащила из сумки конверт.

Калитка открылась. Возле нее стояла стеклянная будочка, в которой, как в аквариуме, сидел довольно молодой, хоть и толстый мужик с круглой физиономией. И хоть он прекрасно видел, что Женя вошла, не открыл окошко, а ждал, когда она постучит.

– Ну? – он протянул руку. – Давай свои документы, небось рекламная лабуда какая-нибудь...

– Да счас! – рассердилась Женя. – Велено передать господину Ушакову в собственные руки, так что я неизвестно кому документы важные оставлять не собираюсь.

– Как это – неизвестно кому? – завелся мужик. – Я при исполнении, не велено пускать разных-всяких! Тебя пусти, а ты, может, сопрешь чего по дороге...

«Отчего это, интересно, они все мне тыкают? – задумалась Женя. – Вроде бы приличный дом, люди богатые живут, а нанимают уродов каких-то...».

Тут она сообразила, что охранник просто мается от скуки, а тут все-таки какое-то развлечение, она пришла, он и рад поговорить. А что хамит, так это он так понимает беседу.

Тут с улицы нетерпеливо посигналили, охранник отмахнулся от Жени и важно нажал кнопку, чтобы открыть ворота. Въехал солидный синий автомобиль с тонированными стеклами, охранник проводил его преданным взором.

– Проходи уж, – буркнул он, – не маячь тут. Сама там в холле разбирайся, пустят тебя или не пустят. Еще скажи спасибо, что я сегодня добрый.

– И не собиралась! – окончательно разозлилась Женя.

Она пересекла двор. Он был покрыт плиткой и аккуратно расчерчен под стоянку машин, но абсолютно пуст. То есть стояло, конечно, несколько машин, но ни кустика, ни деревца, ни лавочки, ни качелей детских. Очевидно, обитатели элитного дома выходили во двор, только, чтобы дойти до собственного автомобиля. Подъезд тоже был заперт, да от кого они тут прячутся?..

Женя ничего не стала нажимать, просто помахала перед камерой своим конвертом, и дверь открылась.

Дальше был холл – просторное помещение с огромными зеркалами и кожаными диванами, уставленное комнатными цветами в керамических кадках. Напротив входа была широкая лестница с мраморными ступенями, уходящая куда-то ввысь, по бокам ее возвышались

бронзовые светильники, как в музее. Да, богато живет господин Ушаков. Впрочем, кто бы сомневался.

Тут Женю отвлек легкий кашель откуда-то из угла, там стоял небольшой стол с мониторами, и кивнул ей оттуда молодой человек в черном костюме.

– Вы к кому? – спросил он с профессиональной холодной вежливостью.

– К Ушакову в шестую квартиру, – ответила Женя и покосилась на монитор, который молодой человек тотчас от нее отвернул.

– Ваша фамилия?

Женя открыла рот, чтобы назвать свою фамилию, но вспомнила, что Альбина велела назваться ею.

– Королькова, – отчеканила Женя. – Альбина Королькова.

И тут же испугалась, что этот охранник знает Альбину в лицо, раз она сюда часто приходит. Но тот только сделал какую-то отметку в компьютере и сказал, чтобы Женя проходила, его предупреждали.

– Третий этаж, – сказал он, – вызвать вам лифт?

– Сама поднимусь, – сказала Женя мрачно, ей хотелось немного прийти в себя перед встречей с великим и ужасным господином Ушаковым.

Ни на минуту не забывая о молодом человеке внизу, который отлично видит ее на своих мониторах, Женя четким шагом, не останавливаясь и не пялясь по сторонам, миновала площадку второго этажа и поднялась на третий.

Тут тоже был холл, но поменьше и поскромнее, куда выходили всего две квартиры.

Разумеется, никаких номеров на дверях не было, но, стоило Жене недоуменно завертеть головой, как открылась левая дверь, и на пороге стоял сам Андрей Федорович Ушаков, великий и ужасный.

– Принесла? – спросил он, отвернувшись, и протянул руку.

– Вот, – Женя вложила ему в руку конверт, то есть хотела вложить, но замешкалась, и он нетерпеливо щелкнул пальцами – мол, не копайся, давай быстрее...

И повернулся, наконец, лицом к Жене, и тут же вздрогнул, и выронил конверт, который Женя успела отпустить.

– Вы кто? – спросил он.

– Я Женя... – голос предательски сел, когда она увидела его сердитое лицо.

– Кто такая? – гаркнул он.

И тут Женя внезапно разозлилась. Отчего они все на нее орут? Кто, в конце концов, дал им право? И какого черта она всего боится? Ну, уволят, да нужно было держаться за работу в этом зачуханном издательстве! Тем более что и так скоро этот Ушаков всех выгонит.

Женя мигом нагнулась и подняла конверт.

– Евгения Кукушкина, – отчеканила она как могла спокойно, – работаю в издательстве «Сириус», Альбина Николаевна просила передать вам эти документы.

И сунула ему конверт, и повернулась уже, чтобы уйти.

– Просила, говоришь... – было что-то такое в его голосе, отчего Женя замерла на месте. – Передать... в собственные руки небось...

– Ну да... – растерялась Женя, – так и сказала. В собственные руки. Так я пойду?

Он, казалось, не слышал, а пробормотал сквозь зубы цветистое ругательство. Женя попыталась тихонько отступить, потому что внезапно поняла, что нужно ей уходить.

Выйти из этого дома, сесть в метро и ехать... не на работу, нет, а домой. И там, в своей маленькой квартирке, закрыться на замок, выпить чаю с маковыми сухарями, посмотреть какой-нибудь скучный сериал или просто послушать музыку. И тогда вся ее жизнь останется такой же спокойной и ровной, как всегда. И такой же неинтересной, но это как посмотреть.

Все это пронеслось в голове Жени за секунду, но не успела она сделать и шагу назад, как Ушаков вдруг схватил ее за руку и втянул в квартиру. И захлопнул дверь.

– И что теперь делать? – он посмотрел на Женю злобно, придерживая ее одной рукой, а другой ожесточенно нажимал кнопки мобильного телефона.

– Черт, не отвечает... – пробурчал он, послушав, и Женя шестым чувством поняла, что звонит он Альбине, тем более что услышала, как он сказал, едва шевеля губами: «Стерва!»

Ну, кто бы сомневался, странно, что он только сейчас это понял, они в издательстве как поглядели на новую начальницу – так сразу сообразили, что зараза первостатейная.

Надо думать, что Ушаков все же Альбину неплохо знал, потому что отбросил телефон и раздраженно спросил Женю, как ее впустили в дом. Она честно ответила, что представилась Альбиной, как та велела.

– Понятно... – протянул он и скрипнул зубами. Потом покрутил головой, отступил назад и окинул Женю пристальным взглядом с ног до головы.

– Так... – сказал он, – значит, так... В общем, придется тебе... да, пожалуй, иначе никак...

«Чего еще? – запаниковала Женя. – Что от меня надо этому ненормальному?»

Он точно выглядел не совсем адекватно. Этот пристальный взгляд... и вообще, волосы растрепаны, глаза горят, за руки ее хватает... Может, у них так принято?

До сих пор Женя видела господина Ушакова всего пару раз. Один раз в коридоре, когда он шел с группой таких же, как он, мужчин в дорогих костюмах, и охранник оттеснил Женю мощным плечом в сторону и велел не высовываться и помалкивать. А еще раз, когда их пригласили на вечеринку по поводу Нового года. Не в ресторан, а сюда же, в офис. Раз уж вы теперь с нами, сказала бухгалтер Наина Павловна, которая вела теперь и дела издательства.

А вездесущая Настасья Ильинична тут же выяснила, что вечеринка, как она выразилась, для простых, вся верхушка в ресторане гуляет. Так и то девицы из офиса смотрели на них косо, перешептывались за спиной, глядя на Женино платье.

Платье как платье, купила его, конечно, в недорогом магазине, а так почти новое. Ну, уж какое есть.

Вот тогда и пришел владелец фирмы, чтобы их поздравить. Альбины, конечно, не было, небось сразу в ресторан поехала.

Так что Женя владельца фирмы знала плохо. Так, издали вроде нормальный человек, сказал тогда на празднике речь, поздравил, пошутил даже. И быстро закруглился, с пониманием, значит, человек, знает, что людям выпить да повеселиться хочется, а не речи официальные слушать, и что начальство их смущает.

Сегодня же он какой-то странный, нервный очень. А она-то при чем? Ей велели – она пришла, принесла, что дали, передала из рук в руки, хотя это и не входит в ее рабочие обязанности. И пускай он сам с Альбиной разбирается.

– Послушайте, Андрей Федорович, – произнесла Женя, как могла твердо, – позвольте мне уйти. У меня работы непечатый край, и так сколько времени потеряла...

Таким образом она хотела дать понять, что она все же редактор, а не девочка на побегушках. Охранников да горничных пускай гоняет, а она пока что в прислуги не нанималась.

Разумеется, Ушаков ее намеков не понял, да он просто ее не слышал. Он покрепче схватил Женю за рукав и вдруг завертел, оглядывая со всех сторон.

– Пойдет... – бормотал он, – сгодится... Жанна Романовна! – вдруг заорал он, так что Женя вздрогнула. – Идите сюда! Скорее! Да стой ты, не вертись!

– Да что же это такое! – закричала Женя. – Да пустите же меня, мне больно!

– А ты стой смирно, не дергайся! Сейчас Жанна тобой займется, потом пойдешь со мной...

– Никуда я с вами не пойду! Пустите меня, вы не имеете права! Да отпустите же!

Женя пыталась вырваться, но он держал крепко, и когда она уже решила пнуть его ногой или укусить в плечо, послышался спокойный голос:

– Андрей, идите к себе. Мы уж тут сами разберемся.

В холле появилась женщина. Издалека Жене показалось, что она довольно молода, поскольку была очень стройна, и осанка отличная. Однако, приглядевшись, Женя поняла, что молодой женщина кажется только на первый взгляд. Она подошла ближе и мягко положила руку Жене на предплечье.

– Дорогая, – улыбнулась она, – давайте успокоимся и поговорим. Пойдемте со мной! Все будет хорошо!

И Женя тотчас послушно пошла за ней, поверив, что от этой женщины не будет ей никаких неприятностей. Что-то такое в ней было теплое и располагающее.

Женя пошла, не оглянувшись на Ушакова, потому что была очень сердита. Думает, если богатый, так ему все можно? Тыкать ей, за руки хватать, тащить куда-то...

Она не смотрела по сторонам, просто шла за женщиной, переходя из комнаты в комнату, потом еще по коридору, и наконец, пришли они в маленькую комнатку без окон, где две стены были заняты шкапами, а вдоль третьей располагался длинный стол с зеркалом, оснащенным сильной подсветкой.

– Присаживайтесь, дорогая, – женщина улыбнулась, и при ярком свете стало видно, что она сильно немолода, морщинки собирались лучиками вокруг глаз, и шея выдавала возраст.

Однако лицо было неоплывшее, щеки не висели, как у бульдога, и глаза приковывали внимание – яркие, темные, выразительные.

– Меня зовут Жанна Романовна, – сказала она, – а вас...

– Женя...

– Красивое имя и сейчас редкое... Вот что, Женя, хотите чаю? У меня хороший, английский.

– Не стоит беспокоиться, – вежливо отказалась Женя.

Она вовсе не собирается распивать здесь чай и вообще терять время, ей бы поскорее уйти.

Женя демонстративно взглянула на часы.

– Никакого беспокойства, – Жанна Романовна вытащила откуда-то чайник, и две красивые чашки тонкого фарфора, и вазочку с печеньем, и еще крохотный заварочный чайничек в виде мыши. Чай был крепкий и очень ароматный.

– Я не ем сладкого, – сказала Жанна Романовна, – но могу принести сахар.

– Я не пью сладкий чай! – ответила Женя, и это была чистая правда, она и конфеты не слишком любила.

Она съела две печенюшки, которые просто таяли во рту, и вспомнила, что ничего не ела с утра. Только решили на работе чаю выпить – так на тебе, Альбина явилась!

Черт дернул Женю согласиться передать конверт, нужно было сразу послать Альбину подальше. Увольнением она грозила, подумавшись, напугала...

Жанна Романовна внимательно за ней наблюдала, потому что тут же начала говорить:

– Дорогая, вы не сердитесь на Андрея Федоровича. Он в последнее время очень нервничает, бизнес – дело непростое и очень нервное. Я, конечно, не в курсе его дел, но... вы должны ему помочь. То есть вы ничего не должны, конечно, но было бы прекрасно, если бы вы согласились поехать с ним.

– Куда? – оторопела Женя.

– На прием. Не подумайте ничего плохого, просто у него там какое-то важное дело, и ему очень нужно, чтобы рядом был кто-то, кто поможет ему...

– Но почему я? – спросила Женя и тут же замолчала, поняв, что вопрос бессмысленный.

Ну да, очевидно они договорились пойти на прием с Альбиной, а та отчего-то Ушакова продинамила. Что само по себе странно, поскольку такое устроить не каждая женщина сможет.

Ну, Альбина всегда давала понять, что у них с господином Ушаковым свои особые отношения. А как уж там у них дела обстоят на самом деле, Жене, откровенно говоря, до лампочки.

– Ну вот, – мягко сказала Жанна Романовна, – вижу, что вы умница и сами обо всем догадались. Не знаю, что там случилось, но Андрею Федоровичу необходима спутница.

И хоть сказано это было ровным голосом, Женя сразу поняла, что Жанна Романовна Альбину терпеть не может. Что ж, это не новость, Альбина у всех вызывает такие чувства. Непонятно только, отчего господин Ушаков с ней поддерживает «свои особые отношения». Ну, это Женю не касается, пускай сами разбираются.

Да, но пока что Женю без ее желания вмешали они в свои проблемы. И снова Жанна Романовна заговорила так, будто прочитала ее самые сокровенные мысли:

– Вы, конечно, можете отказаться, но этим очень подведете Андрея Федоровича. Дело в том, что прием состоится в шесть часов, так что времени очень мало. Мы с вами работаем по найму, так что хорошо знаем, что ссориться с начальством не стоит... – она снова мягко улыбнулась, и от глаз разбежались лучики морщинок.

– А вы... – невольно начала Женя, она вспомнила, что Жанна Романовна назвала хозяина просто Андрей.

– Я работаю у него экономкой, веду дом и вообще присматриваю, чтобы все было в порядке, – и, видя, как недоверчиво прищурилась Женя, добавила: – мы очень много лет были дружны с его покойной матерью, он наверняка помогал бы мне просто так, но я не привыкла получать деньги задаром...

– Ваше лицо кажется мне знакомым, – неожиданно для себя призналась Женя, – точно, я вас где-то видела раньше.

– Раньше я была актрисой, не слишком удачливой и не слишком известной, – улыбнулась Жанна Романовна, – но все это в прошлом. В театре, как вы понимаете, нужны молодые и подвижные, а из тех, кто требуется в сериалах на роль бабушки героини, стоит большая очередь. Впрочем, пару раз в месяц мне дают сыграть в одном спектакле, а так я подрабатываю там гримером и костюмером. Маленький такой театрик, называется Средний Драматический.

– Средний? – удивилась Женя.

– Ну да, есть Большой, есть Малый, а у нас – Средний... Он недалеко от Среднего проспекта находится.

– Надо же, я там близко работаю и никогда его не видела...

– Непросто его найти... – рассмеялась Жанна Романовна и стала серьезной. – Но, дорогая моя, у нас мало времени, сейчас уже больше трех. Так вы согласны пойти на прием?

– Но как же... – Женя посмотрела на свои далеко не новые джинсы и недорогую курточку.

– Ах, это... С этим проблем не будет.

Старая актриса распахнула дверцы одного из шкафов, и Женя увидела множество одежды, висящей на плечиках. И какой одежды...

Даже на первый взгляд было видно, что все дорогое и отличного качества.

– Это вещи жены Андрея Федоровича, – пояснила Жанна Романовна, и Женю отчего-то неприятно кольнуло известие, что у господина Ушакова есть, оказывается, жена. Тогда какого черта Женю на этот прием зовут? Шел бы с женой, как обычный человек, она бы ему и помогла, по-семейному.

И снова Жанна Романовна прочитала ее мысли.

– Его жена уже несколько лет живет за границей, – пояснила она, – и... она очень любила шопинг. Тут есть вещи совершенно новые, и, я вас уверяю, она их никогда не наденет. Ну-ка, снимите куртку! Ну да... – пробормотала она, осмотрев Женю профессиональным взглядом, – вы, моя дорогая, худощавы и подтянуты, а это главное. Вещи вам подойдут, все остальное я беру на себя.

И Женя покорно отдалась в умелые руки старой актрисы. Та распустила довольно-таки жидковатый пучок ее волос и что-то сделала с этими самыми волосами – чуть подстригла, сбрызнула чем-то, потом расчесала, уложила и снова сбрызнула, но уже чем-то другим. Затем занялась лицом, и через некоторое время из зеркала на Женю смотрела совершенно другая личность. Глаза блестели, ресницы трепетали, брови изгибались изящной дугой, губы застыли в полуулыбке. И цвет лица изумительный.

– Ну, перейдем к выбору одежды, – сказала Жанна Романовна, и у Жени в глазах зарябило от платьев.

– Дорогая, у вас зеленые глаза, так подойдет вот это...

Жене всегда говорили, что глаза у нее цвета болотной тины, но сейчас в зеркале глаза и правда блестели зеленым.

– Пепельная блондинка с зелеными глазами – это ваш вариант! – Жанна Романовна развернула перед ней платье серо-зеленого шелка с жемчужным блеском.

Блондинка? Жене всегда говорили, что волосы у нее серого цвета, мама в детстве в сердцах называла его нежно-крысиным. Это не волосы, говорила она, а просто пух какой-то: ни заплести толком, ни заколоть. И косичка жидкая, как хвост у крысы.

Теперь же волосы и правда посветлели.

– Вы просто волшебница! – искренне сказала Женя.

– Времени мало, примеряй платье!

Платье подошло, как будто было пошито на Женю, и Жанна Романовна подала ей серые лодочки. Они были совершенно новые и тоже оказались впору, как Женя ни удивлялась.

И тогда Жанна Романовна выпустила Женю из гардеробной в коридор, где поджидал уже господин Ушаков при полном параде. Он оглядел Женю с ног до головы, и даже если и удивился, то ничего не сказал, только протянул ей маленькую дамскую сумочку из мягкой серой кожи и велел не выпускать ее из рук.

«Ничего туда не клади, – шепнула Жанна Романовна, – голову держи выше, спину прямее, главное, ничего не бойся, все будет хорошо. Ну, с богом!»

Оказалось, что на улице идет мокрый снег, так что скрепя сердце Ушаков разрешил накинуть Жене ее курточку – все же платье открытое и довольно короткое, хоть до машины и два шага, а промокнуть можно и простудиться.

Водитель к подъезду автомобиль не подал, сказал, что никак не развернуться, так что курточка оказалась кстати.

В машине Женя постаралась сесть как можно дальше от господина Ушакова, это оказалось нетрудно, поскольку в салоне было просторно. Она положила сумочку на свободное место между ними, но поймала суровый взгляд Ушакова и прижала сумку к себе.

Дорогой они молчали, водитель тоже, даже музыку не включал.

Машина остановилась перед голубым особняком с белоснежной колоннадой.

На парковке перед этим особняком уже стояло несколько десятков роскошных автомобилей. Женя не знала, как они называются, но сразу поняла, что машины эти жутко дорогие.

Водитель заглушил мотор. Женя потянулась к дверце, собираясь выйти, но Андрей Федорович придержал ее за локоть и еле слышно произнес:

– Сиди! Курташку сними!

Водитель тем временем выскочил из машины, обежал ее и распахнул заднюю дверцу с Жениной стороны. Андрей Федорович отпустил ее локоть и едва заметно подтолкнул.

Женя выбралась из машины и оказалась перед широкими мраморными ступенями. Метель стихла, а может, ее и не было в этом районе.

Андрей Федорович уже стоял рядом с Женей. Не глядя на нее, он привычно согнул левую руку калачиком. Женя взяла его под руку, и они медленно, торжественно поднялись на крыльцо особняка.

Женя вспомнила трансляции с разных кинофестивалей – там тоже красивые, хорошо одетые мужчины и женщины неспешно поднимались по широким ступеням...

Перед входом стояли двое удивительно похожих мужчин в одинаковых черных костюмах, в руках у одного из них были скрепленные листы, видимо, список приглашенных.

– Ушаков! – высокомерно бросил Женин спутник.

Охранник быстро сверился со списком и, подобострастно заглядывая в глаза, проговорил:

– Проходите, Андрей Федорович!

А Жене только кивнул – проходи, мол, раз пришла.

Дверь словно сама распахнулась, и они вошли.

На Женю обрушились потоки света и звуки музыки.

В просторном холле, где они оказались, медленно прохаживались мужчины в темных вечерних костюмах и их сногшибательные спутницы. Напротив входа было громадное зеркало, целая зеркальная стена. Женя бросила взгляд в это зеркало – и не сразу нашла себя. Только увидев в зеркале Андрея Федоровича, поняла, что красивая женщина рядом с ним – это она.

Да нет, не может быть... у нее нет ничего общего с этой уверенной в себе красавицей... Платье серо-зеленого шелка прекрасно облегает фигуру, рост высокий... ну, это из-за каблучков. Женя никогда в жизни не носила такие шпильки, думала, что и шагу в них не сможет ступить, а оказалось, что обувь просто должна быть дорогая...

Глаза сияют, кожа, наоборот, матовая, гладкая, и волосы... куда девался этот нежно-крысиный хвостик?..

Они пересекли холл, поднялись по широкой, застеленной ковровой дорожкой лестнице и оказались в огромном зале, залитом ярким светом многочисленных хрустальных люстр.

По краям зала возвышался целый лес колонн, а сам зал был заполнен такими же блистательными мужчинами и женщинами. Темные, отлично сшитые костюмы, вечерние платья – голубые, розовые, сиреневые, серебристые, конечно же, классические черные. Между ними сновали девушки в черно-белой униформе официанток, с серебряными подносами, на которых были бокалы с вином и тарелки с крошечными бутербродами.

Женя внезапно почувствовала зверский голод, ну да, ведь она с утра только чашку чая выпила у Жанны Романовны да два крошечных печенья съела... Она протянула руку и взяла с подноса один бутерброд. Она откусила от него половину, но не успела прожевать, даже вкус не почувствовала.

Потому что увидела совсем близко, всего в нескольких шагах, мужчину в темно-сером костюме, с гладко зачесанными темными с проседью волосами.

У нее сразу пропал аппетит, рот наполнился чем-то горьким, сияние хрустальных люстр потускнело.

Это был *тот самый мужчина*. Тот, кого она видела на полу Третьего Цеха. Точно такие же темные с сединой волосы, точно такие же близко посаженные глаза... только теперь эти глаза были живыми, блестящими и внимательными.

И самое главное – его правую бровь пересекал бледный белесый шрам...

Женя почувствовала, как пол под ее ногами качнулся, как палуба корабля, и крепче вцепилась в руку своего спутника, чтобы не упасть, устоять на ногах.

Андрей Федорович склонился к ее уху и прошептал:

– Что с тобой?

– Мне... мне что-то нехорошо. Должно быть, душно.

– Возьми себя в руки. Посмотри на того человека... тот, что с блондинкой в розовом платье.

Женя проследила за его взглядом и увидела в дальнем конце зала сначала красивую высокую женщину в длинном, очень открытом розовом платье, с жемчужным ожерельем, обвивающим длинную белоснежную шею, а уже потом ее спутника – коренастого, широкоплечего мужчину с квадратной челюстью и длинными руками. Рядом со своей очаровательной спутницей он казался особенно грубым и нескладным, хотя от него исходило ощущение силы и власти.

– Поняла, о ком я говорю? – прошептал Андрей Федорович напряженным голосом.

– Да, – ответила Женя.

– Так вот, походи к нему и отдай ему вот это... – он показал на ее сумочку.

– Но как же я буду без сумки... – пролепетала она и тут же поняла нелепость своих слов.

А секундой позже Женя поняла, что Андрея Федоровича нет рядом с ней, что она совсем одна стоит посреди сверкающего зала.

Только тогда она решилась снова взглянуть на того мужчину, мужчину с белесым шрамом, пересекающим бровь... но его тоже не было, он бесследно исчез, растаял, растворился в толпе, в сиянии хрусталя и бриллиантов.

Может быть, его и не было? Может быть, он ей просто привиделся? Хотя она так отчетливо разглядела его... Ай, да с тех пор как утром она увидела в Третьем Цеху труп, с ней столько всего случилось! Так, может, у нее глюки? И тогда, и сейчас...

Так или иначе ей нельзя терять время, нужно немедленно выполнить поручение Андрея Федоровича, он ведь именно для этого ее сюда взял...

Женя снова нашла взглядом женщину в розовом платье и ее коренастого спутника. Как раз вовремя – в это время они выходили из зала в одну из дальних дверей. Женя устремила за ними, чтобы не упустить, не потерять из виду.

Она скользила среди нарядных пар, едва не сбив с ног официантку с подносом, налетела на молодую женщину в алом платье, с красивым, удивительно бледным лицом, растерянно извинилась, получив в ответ улыбку, больше похожую на волчий оскал, наконец, пересекла зал и вылетела в дверь, оказавшись в узком полутемном коридоре, идущем вдоль всего зала.

Тех людей, которых она искала, здесь не было. Да и вообще почти никого не было, только два мужчины средних лет о чем-то вполголоса разговаривали, опасливо оглядываясь по сторонам.

Женя в панике пробежала по коридору – и увидела в конце его приоткрытую дверь.

Те двое могли уйти только в эту дверь, другого пути отсюда просто не было.

За дверью оказалась лестница, застеленная зеленой ковровой дорожкой. По ней Женя взбежала на два пролета вверх и оказалась на галерее, которая опоясывала большой зал.

Выскользнув на эту галерею, Женя увидела все скопление людей сверху. Отсюда это общество не казалось таким блестящим, разве что в ярком свете люстр сверкали украшения дам да отсвечивали многочисленные лысины их спутников.

Женя оглядела галерею – и увидела в ее дальнем конце коренастого мужчину и его спутницу. Она устремила к ним, но на полпути галерея была перегороджена ажурной деревянной решеткой. Чтобы обойти ее, Жене пришлось выйти в очередную дверь и пройти по узкому, тускло освещенному коридору, вроде тех, что проходят по верхним ярусам театров, соединяя ложи.

Женя спешила, чтобы не упустить нужных людей, и не смотрела по сторонам. Пробежав несколько шагов, она снова толкнула очередную дверь, надеясь выйти на галерею – но вместо этого оказалась в маленькой комнате вроде театральной аванложи. В углу этой комнатки сидел на стуле человек в черном костюме – но сидел он в странной позе, спиной к двери, лицом к стене, так что Женя не увидела его лица. Она попятилась было, чтобы вернуться в коридор, но тут сзади нее дверь захлопнулась, а на плечо легла тяжелая рука.

Женя вздрогнула и попыталась обернуться...

– Не дергайся – убью! – прошипел незнакомец прямо ей в ухо, обдав ее горячим дыханием.

И она поверила ему на слово и застыла как изваяние.

А он вырвал у нее из рук сумочку, что-то сделал с ней за спиной у Жени и снова вложил в ее руки.

А потом развернул и вытолкнул в коридор, захлопнув дверь у нее за спиной.

Женя стояла возле двери, окаменев от ужаса и едва дыша.

И тут из-за поворота коридора появились те двое, за которыми она только что гналась – коренастый широкоплечий мужчина и его очаровательная спутница. Вблизи она показалась Жене еще красивее, кроме того, в ее осанке было что-то царственное, какая-то удивительная, неправдоподобная грация.

Коренастый мужчина быстро взглянул на Женю, потом на сумочку, которую она испуганно прижимала к груди, и проговорил низким хриплым голосом:

– Что так долго?

Женя открыла было рот, чтобы рассказать, что с ней произошло, – но слова не шли изо рта, она потеряла дар речи. В ее ушах все еще раздавался свистящий, угрожающий шепот незнакомца.

А коренастый мужчина ее не слушал, он нетерпеливо выхватил у нее сумочку, протянул своей спутнице, а у нее забрал другую, точно такую же, и отдал Жене. Затем, больше ни слова не говоря и не оглядываясь, они быстро зашагали прочь.

Женя еще несколько бесконечных секунд стояла возле двери, но наконец опомнилась и бросилась за этими людьми, чтобы сказать им, что случилось.

Но тех уже не было в коридоре.

Она сбегала вниз по лестнице, влетела в большой зал, огляделась по сторонам.

Ей показалось, что в дальнем конце зала мелькнуло знакомое розовое платье. Она устремила к нему – но тут ее ухватила за локоть сильная рука. Женя вздрогнула и оглянулась.

Это был Ушаков.

– Что так долго? – проговорил он вполголоса.

– Там... – начала Женя, – я должна сказать...

Она должна сказать ему, что произошло, сказать, что у нее ничего не вышло, что она не смогла выполнить его поручение... должна его предупредить... потому что все пошло не так, не по плану... потому что того, что она должна была передать тому гориллообразному типу, в сумочке уже не было. Иначе зачем бы ее вырвали у Жени из рук в той крошечной комнатке...

– Потом, потом! – перебил ее Ушаков и быстро повел сквозь толпу к выходу. – Все потом! Сейчас нам пора уходить.

– Но там... но я... – повторила Женя.

Он ее явно не слушал, и она замолчала.

Андрей Федорович проволок ее через зал, вывел на улицу, остановился на крыльце, оглядываясь в поисках своей машины.

Женя снова попыталась заговорить, но тут в кармане у него зазвонил мобильный телефон.

Он выпустил Женин локоть, достал телефон, взглянул на дисплей, оглянулся на Женю и, бросив вполголоса «подожди», спустился по ступеням.

Женя стояла, растерянно глядя ему вслед.

И в это время возле крыльца остановилась большая черная машина с хищными стремительными обводами, с небольшой серебряной статуэткой на капоте. В первый момент Женя

подумала, что это приехал за ними водитель Ушакова, но затем у нее возникло ощущение какой-то неправильности, несоответствия.

Она шагнула было вперед, но споткнулась и едва не упала.

А когда восстановила равновесие и подняла глаза – увидела, что ее спутника втаскивают в черную машину.

Двери машины захлопнулись, и она умчалась в неизвестность.

Женя зажала ладонью рот, чтобы не закричать от обрушившегося на нее ужаса и безысходности.

Несколько секунд она смотрела вслед черной машине, но та мигнула задними огнями и скрылась за поворотом. Женя стояла на ступенях в полной растерянности. Из прострации ее вывел пронизывающий холод – на улице как-никак зима, хоть и теплая, а на ней было только легкое платье.

Она завертела головой и увидела чуть в стороне от крыльца на парковке машину Ушакова. Там, в этой машине, осталась ее куртка, и в карманах кое-какие мелочи... Потому что в сумочку по совету Жанны Романовны она ничего не положила.

Она сбежала с крыльца и бросилась к машине.

За стеклом машины виднелся силуэт водителя.

Женя подумала, что он прокололся – не заметил, как буквально на его глазах похитили шефа... а ведь он не только водитель, но еще и охранник... хорош охранник!

Водитель сидел в расслабленной позе, видимо, дремал.

Все проспал, разиня!

Женя подбежала к машине, постучала в стекло...

Водитель не шелохнулся.

Да что же это такое!

Женя дернула ручку. Дверца машины распахнулась, но водитель не пошевелился. Веки его были опущены.

Женя протянула руку к водителю и осторожно, опасливо тронула его за плечо.

И снова он никак на это не отреагировал.

Женя потрясла его чуть сильнее...

Голова водителя безвольно упала на плечо, но он не издал ни звука, на лице его не дрогнул ни один мускул.

И тут до Жени дошло очевидное.

Водитель не спал, он был без сознания. А может, даже мертв. Проверять это ей не хотелось, ей и без того уже сегодня досталось. Ей хотелось одного – бежать, бежать отсюда как можно быстрее и как можно дальше...

Вот как чувствовала она, что ничем хорошим это не кончится! Черт бы побрал эту Альбину, которая втянула ее в эту жуткую историю! Черт бы побрал этого Ушакова... тут Женя воочию увидела, как двое мужчин втаскивают его в машину... нет, ему сейчас явно хуже, чем ей. Но даже если и так, то теперь каждый за себя, ей-то точно никто не поможет, так что – бежать, бежать!

Но у нее все же хватило остатков здравого смысла, чтобы понять – в легком шелковом платье, без денег и без ключей от дома она убежит недалеко.

Женя собрала в кулак остатки мужества, протянула руку между спинками сидений, стараясь не прикоснуться к неподвижному водителю, схватила с заднего сиденья машины свою курточку, вытащила ее из машины, торопливо накинула куртку на плечи, захлопнула дверцу и осторожно попятилась.

И тут в зеркале заднего вида на дверце машины она увидела двух мужчин, которые приближались к парковке.

Во всем облике этих мужчин, в их быстрых и в то же время осторожных движениях, во внимательных, цепких взглядах, которыми они обшаривали парковку, было что-то от смертельно опасных хищников, преследующих свою жертву.

И тут же Женя поняла каким-то шестым чувством, что эта жертва – она, что эти двое ищут ее, ищут, чтобы похитить, а может быть, даже убить... Ушакова они уже взяли, теперь ищут ее, поскольку сумка-то была у нее. Но что она им скажет? Она ведь даже не видела того типа, который взял то, что было в сумочке, только слышала его голос. Да эти люди ей не поверят.

Женя инстинктивно согнулась, спрятавшись за соседнюю машину, так, не разгибаясь, пробежала мимо нескольких автомобилей, снова взглянула в одно из зеркал.

Те двое мужчин разделились и шли через парковку, внимательно оглядывая ее. Еще немного, еще буквально несколько шагов – и они ее увидят...

Тут к парковке подкатил еще один автомобиль – серебристый «Мерседес».

Он остановился, дверца распахнулась, из машины, пыхтя, отдуваясь и вытирая платком потную лысину, выбрался толстяк в черном кашемировом пальто.

Женя подскочила к нему, схватила за локоть и быстро, раздраженно заговорила:

– Где тебя носило? Сколько можно ждать! Мы с тобой на сколько договаривались?

Толстяк изумленно уставился на нее и открыл рот, чтобы что-то сказать, но Женя не дала ему этой возможности. Она тащила его с парковки, при этом без остановки сыпала словами:

– Ты же мне обещал, что придешь вовремя, а сам опоздал почти на целый час! Нужно же и совесть иметь! Я торчу здесь одна, как чучело на огороде, замерзла, так что зуб на зуб не попадает, а тебя нет и нет! Ко мне уже какие-то козлы начали приставать, еле от них отбилась... ну разве так можно?

Толстяк изумленно хлопал глазами, безуспешно пытаясь вставить хоть слово в ее горячий монолог. Они уже пересекли парковку и подошли к проезжей части.

Один из двоих мужчин, осматривавших парковку, прошел мимо них, едва не задев толстяка плечом, скользнул по Жене равнодушным взглядом и двинулся дальше.

Толстяк, наконец, сумел вклиниться в Женину речь:

– Ты откуда взялась такая? Ты вообще кто? – проговорил он простуженным голосом.

– Кто-кто, фининспектор в пальто! – выпалила Женя, отпустила его руку, шагнула на мостовую и выбросила руку в призывном жесте.

Возле нее тут же остановилась неприметная, выдавшая виды серая машина.

Женя распахнула дверцу, плюхнулась на сиденье и только тогда перевела дух.

– Куда едем? – спросил, взглянув на нее, водитель.

– Вперед и как можно быстрее!

Водитель без лишних вопросов выжал педаль газа и помчался по улице. Женя взглянула в зеркало заднего вида, не увидела ничего подозрительного и назвала адрес Ушакова – ей нужно было заехать к нему, чтобы переодеться в свою собственную одежду и забрать свои вещи. Кстати, и сказать Жанне Романовне все, что она о ней думает.

«Все будет хорошо, ничего не бойся, ступай себе с богом!» – передразнила она мысленно старую актрису. Да уж, куда лучше!

Они уже выехали на Екатерининский канал, когда Женя снова почувствовала пробуждающийся в душе страх. Собственно, он и не проходил с той минуты, когда на ее глазах похитили Андрея Федоровича. Да нет, даже раньше – с той минуты, когда она почувствовала на плече тяжелую, холодную руку и услышала за спиной свистящий, угрожающий шепот незнакомца:

– Не дергайся – убью!

Но на какое-то время всплеск адреналина приглушил этот страх, и она смогла взять себя в руки. Теперь же он снова поднял голову. Да что там – охватил все ее существо.

Немного не доезжая до дома Ушакова, Женя попросила водителя ехать медленнее, а сама пригнулась и внимательно оглядела улицу.

И тут же увидела рядом с ведущими к дому воротами черную машину с приземистым, хищным силуэтом. На капоте этой машины блестела серебристая фигурка...

– Проезжай мимо! – вполголоса проговорила Женя, еще ниже сползая по сиденью.

– Как скажешь! – флегматично протянул водитель. – Куда теперь поедем?

Женя подумала несколько секунд – и на этот раз назвала свой собственный адрес. Больше ничего ей не пришло в голову. Да больше ей и некуда было податься.

Когда машина свернула с канала, она вползла обратно на сиденье и проверила карманы куртки.

К счастью, ключи от квартиры были на месте, Женя всегда носила их в кармане. Сумку вырвать могут, так хоть замки менять не придется. Кроме того, в потайном кармашке было немного денег – во всяком случае, хватит, чтобы рассчитаться с водителем.

В машине было тепло. Она согрелась, и в голове появились более связные мысли.

Кто за ней охотится?

Наверняка те самые люди, которые похитили Ушакова. Так что ехать к нему домой было большой ошибкой. А к себе?

Вряд ли они знают, кто она такая. Ведь она была внесена в списки приглашенных под именем Альбины Корольковой. Но что из этого следует? Неужели Альбина знала, что мероприятие, куда должна была она пойти с Ушаковым, будет опасным? Оттого и подставила вместо себя Женю, а она, как полная дура, отправилась, куда велели.

Женя вспомнила, какой ненавистью горели глаза Альбины, когда она посылала Женю к Ушакову – дескать, не пойдешь, пожалеешь, плохо тебе будет. Можно подумать, сейчас ей хорошо!

Додумать эту мысль до конца Женя уже не успела, потому что машина подъехала к ее дому.

Женя расплатилась с таксистом, поднялась к себе, к счастью, не встретив никого из соседей.

Вошла в квартиру и застыла на пороге, увидев в полутемной прихожей какую-то незнакомую женщину...

У нее хватило силы воли не закричать, включить свет...

И Женя едва не расхохоталась.

Впрочем, она не знала, смеяться или плакать – она приняла за незнакомку собственное отражение в дверце стенового шкафа. Эта странная женщина в скромной стеганой курточке, накинутой поверх чудесного шелкового платья необыкновенного серо-зеленого оттенка, совсем не была на нее похожа. Волосы ее были растрепаны, косметика смазана, но все равно в ней была трагическая красота...

Женя никогда не была роковой женщиной, *femme fatale*. И вдруг – на тебе, откуда что взялось...

«Нашла время думать о своей внешности», – тут же одернула Женя себя, заперла двери на все замки и даже на всякий случай закрыла все окна, после чего разделась, приняла душ, из последних сил разобрала постель, легла...

Думала, что не сможет заснуть после всего, что пережила за этот бесконечный день, – но усталость взяла свое, и она провалилась в сон, едва голова коснулась подушки.

Снилось ей что-то запутанное, странное, бессвязное. Женя от кого-то убегала, где-то пряталась. Ее преследовал человек с мертвыми блеклыми глазами и бровью, рассеченной шрамом. Он догонял ее, догонял, тянул к ней руки... и вдруг удивительно изменился, превратился в осанистого старика с длинной бородой, в старинном камзоле из черного бархата, расшитого серебром. Старик грозил Жене костлявым пальцем и повторял хриплым, каркающим голосом:

– Пора! Пора! Проспишь!

Паромищик и восемь дюжих гребцов старались держаться возле берега, потому что ближе к середине реки течение сильнее и неуклюжее, неповоротливое суденышко запросто могло перевернуться, вывалив в воды Майна семейство городского патриция господина Фриле Генсфлейша, возвращающееся в город из своего имения, находящегося в десяти милях к северу от города.

Впереди, совсем близко, там, где медлительный Майн впадает в Рейн, воды реки намыли илистую отмель. Чтобы не сесть на мель, корабль поворачивает поперек течения.

Суденышко проплывает мимо трех огромных водяных мельниц, колеса которых неторопливо вращаются, и вот за поворотом открывается город – черепичные крыши и башни, обнесенные высокой каменной стеной. Возле пристани пришвартован десяток судов, еще столько же стоит в стороне, ожидая погрузки.

Пологий берег поднимается к городской стене, укрепленной и украшенной четырьмя внушительными квадратными башнями. За этой стеной возвышаются сорок церковных шпилей, и выше всех – красный шпиль собора Святого Мартина, жемчужины города, который еще в римские времена назывался Золотым Магунцием, а теперь называется Золотым Майнцем.

Майнц – богатый и важный город, резиденция архиепископа, одного из германских курфюрстов.

Навстречу прибывшим несетя гулкий, протяжный, переливчатый колокольный звон.

И вместе с этим звоном на них надвигается резкий, неприятный, но в то же время волнующий запах, в котором смешивается запах смолы и рыбы, опилок и стружек, пеньки и дубленых кож, церковного ладана и городских нечистот.

Запах, неотделимый от средневекового города.

Семейство патриция высаживается на берег, гребцы торопливо перетаскивают их пожитки в повозки, и небольшой обоз въезжает в городские ворота. Эти ворота называются Железными – не оттого, что они сделаны из железа, а оттого, что здесь уже двести лет торгуют железным товаром.

За воротами запах города многократно усиливается, к нему присоединяются шум и крики многочисленных торговцев. Рыбники предлагают свежий улов, пригородные крестьяне – овощи и зелень, торговцы побогаче – ткани из Бургундии и Голландии, вина из той же Бургундии и Эльзаса. Из пекарни несетя горячий аромат свежего хлеба, из лавки гончара – сухой и резкий жар печи для обжига. Повозки по самую ступицу вязнут в грязи немощных улиц, навстречу им гонят коров и свиней, гусей и овец.

По сторонам улицы расположились многочисленные ремесленники – портные и шорники, плотники и столяры, бондари и сапожники, виноделы и фонарички. Тут же устроился цирюльник, который совмещал и профессию хирурга.

Проехав мимо доброй полусотни лавок, миновав ратушу с нарядным зубчатым фронтоном и тяжелое, грубое здание нового оптового рынка, немного не доехав до недостроенной церкви Святого Христофора, повозки останавливаются возле одного из самых больших и солидных домов Золотого Майнца.

Этот дом давно уже зовется домом Гутенберга – но не потому, что такова фамилия его владельца. В те времена чаще семьи получали имена по названию своего жилища, чем дома – по имени хозяев. Владеет этим домом, как мы уже сказали, городской патриций Фриле Гейнсфлейш.

Гутенберг – это название самого дома. Прежде это место называлось Юденберг, то есть Еврейский Холм, потому что на этом месте издавна селились многочисленные майнцские евреи. Потом они переселились в другое место, а название из Юденберг превратилось в Гутенберг, позднее превратившись в фамилию его обитателей.

Слуги перетаскивают пожитки в дом, хозяин наблюдает за их работой, недовольно покрикивает. Младший сын, маленький Ганс, Ханси, оглядывается по сторонам.

Он не любит городской дом и вообще городскую жизнь. То ли дело деревня! Там столько живности, с которой можно играть – и собаки, и овцы, и телята, вообще столько интересного... можно ловить рыбу с деревенскими мальчишками, можно купаться в мельничной запруде, можно ловить крупных раков возле берега, можно мастерить воздушных змеев и запускать их...

Только одно привлекает его в городе.

Пока родители и слуги заняты разгрузкой повозок, Ханси бежит в лавку герра Мюнстера, городского писца.

Его лавка располагается за цирюльней. Герр Мюнстер – солидный и уважаемый господин. Он может написать прошение на имя архиепископа или городского совета, может написать судебную жалобу или обычное любовное письмо. А еще у герра Мюнстера можно купить латинскую грамматику, простой требник или богато украшенный часослов, календарь с датами Пасхи и Троицы, а также индульгенцию, освященную самим Папой...

Герр Мюнстер берет дорого, но и то сказать – работа писца трудная и долгая. На простое письмо уходит добрый час, а чтобы переписать требник, нужно не меньше недели. На него работают двое помощников, но почерк самого герра Мюнстера так хорош, что за его работу платят вдвойне.

Маленький Ханси, как зачарованный, следит за работой переписчика, за тем, как из-под его пера выползают замысловатые готические буквы, складываясь в слова молитвы или делового письма.

Вот было бы здорово, если бы перо само могло писать! Насколько быстрее пошла бы работа...

Ханси представил, как в огромном помещении десятки волшебных перьев переписывают учебники и псалтыри, жития святых и учебники по латинской грамматике...

Но его мечты прервал голос герра Мюнстера:

– Что тебе нужно, мальчик? Учебник?

– Нет, сударь, я хочу только посмотреть, как вы работаете.

– Что ж, смотри. Ты сам-то умеешь писать?

– Умею, сударь.

– Умеешь – так возьми этот листок. Он все равно испорчен, но тебе пригодится, на обратной стороне еще можно что-то написать или нарисовать.

Герр Мюнстер протянул мальчику листок бумаги, испорченный большой кляксой. Ханси вежливо поблагодарил его и пошел прочь, разглядывая свой трофей.

Бумага появилась в Майнце не так давно, прежде писали только на пергаменте, сделанном из выскобленных телячьих или ягнячьих шкур. На большую Библию уходят шкуры двухсот ягнят или телят, которые приходится очень долго выдирать. Оттого пергамент очень дорог, на нем и сейчас пишут самые важные документы. Но кусок пергаamenta, даже испорченный, герр Мюнстер не подарил бы мальчику – его можно отчистить и использовать еще раз.

Ханси вышел из лавки писца, поплелся обратно к родительскому дому. Тут навстречу ему попала нищенка Мицци.

Старая Мицци ходит по улицам города зимой и летом в одном и том же бесформенном балахоне из рогожи, она показывает прохожим раны на ладонях, уверяя, что это стигматы, отметины Господа, такие же, как у святого Франциска. Хотя все горожане Майнца знают, что Мицци сама процарапывает эти раны ржавым гвоздем, они все же по доброте душевной подают Мицци то грошик, то корку хлеба.

Ведь священники на проповеди всегда повторяют, что подаяние нищим угодно Господу, что тот, кто будет добр к сим малым, будет добр к самому Создателю, и ему непременно будет уготовано место в Царстве Божьем...

Ханси пошарил в кармане, нашел медный грош, протянул нищенке. Та сунула его в карман, ослабилась:

– Благодарю тебя, добрый мальчик! Спаси тебя Христос!

В это время за спиной у Ханси послышались громкие голоса, ржание коней.

– Поберегись, добрый мальчик! – прошамкала нищенка беззубым ртом. – Смотри, как бы тебя не зашибли!

Ханси отступил к стене, обернулся.

По улице ехали нарядно одетые всадники, копыта их лошадей разбрызгивали уличную грязь. За ними четверка вороных коней тащила богато украшенную карету. На карете красовался герб его преосвященства, господина архиепископа, владельца Майнца и курфюрста Священной Римской империи.

На окошке кареты раздвинулись занавески, показался сам господин архиепископ – обрюзгшее лицо, двойной подбородок, маленькие глазки. Оглядел жмующихся к стенам горожан, осенил их крестным знаменем, снова скрылся за занавесками.

– Важная особа! – прошамкала старая нищенка, и в ее голосе Ханси расслышал насмешку.

– А что – и впрямь важная особа! – проговорил он, покосившись на Мицци.

Он представил, каково это – ехать в такой карете, одаря всех вокруг благословением... каково это – быть в числе курфюрстов, в числе людей, которые решают судьбы всей империи, решают, кто из владетельных князей получит венец императора...

– Ты достигнешь куда большего, добрый мальчик! – услышал он голос старой Мицци. – Что – золоченая карета! Что – выборы императора! Благодаря твоим делам изменится весь мир, десятки и сотни тысяч людей смогут выучиться грамоте, смогут узнать правду о мире и жизни... но и много крови будет пролито за эту правду!

– Что такое ты говоришь, старая женищина? – удивленно спросил мальчик.

– Я говорю, что не грех бы добавить мне еще грошик, чтобы я могла выпить за помин своей давно ушедшей молодости в харчевне толстяка Рудольфа...

Ханси пошарил в кармане, но больше ничего там не нашел. А когда он снова повернулся к нищенке, той уже и след простыл.

Что такое она говорила о его удивительном будущем? Или все это ему только послышалось?

Женя проснулась.

Она была вся в поту, простыня сбилась в комок, а в окна уже лился бледный зимний рассвет.

Проспала!

Женя вскочила, кинулась под душ. О завтраке нечего было и мечтать. Она торопливо оделась и понеслась на работу, в ужасе думая, что с ней сделает Альбина...

А потом она подумала – что бы ни сказала, что бы ни сделала Альбина, непременно нужно рассказать ей обо всем, что вчера произошло. Рассказать как можно скорее. Самое главное – о том, что на ее глазах похитили Ушакова. И это еще вопрос, станет ли она ругаться, да Женя сама выскажет ей все, что наболело. Нечего посторонних в свои сомнительные приключения впутывать!

Но Альбины на работе не было.

Женя поняла это, едва вошла в издательство – по тому, как вольготно вели себя дамы, по тому, как они громко разговаривали, сидя вокруг стола, посреди которого стояли чайник и тарелка с пирожками и домашним печеньем.

– Садись, Женя, поешь! – хлопотала Настасья Ильинична. – Пирожки, конечно, вчерашние, но я подогрела...

Женя проглотила голодную слюну, схватила пирожок и откусила половину. Только потом, с полным ртом, невнятно поздоровалась и спросила:

– Нафей нефу?

– Что? – удивленно переспросила Настасья Ильинична.

– Нашей нету? – повторила Женя, прожевав пирожок.

– А ты что – не видишь? – Софья Петровна выразительно оглядела стол. – Могли бы мы так при ней?

– А что – звонила? Говорила, когда придет?

– Нет, не звонила, – ответила Настасья Ильинична. – Кстати, она мне нужна. Обязательно нужно кое-какие бумаги подписать. Без ее подписи платежи в банке не пройдут.

– Вот когда она нужна, тогда ее нет! – авторитетно проговорила Софья Петровна и привычно закашлялась.

– А тебе она зачем? – вдруг спросила Лера, которая до этого смотрела в окно с обычным своим отрешенным видом. Надо же, вдруг интерес проявила, с чего бы это?

– Да так просто, – Женя сделала равнодушное лицо, но, похоже, Лера не поверила.

– А куда ты вчера ходила? – продолжала она с непривычной настойчивостью. – По какому делу?

– По личному, – сухо ответила Женя, – отпросилась у Альбины с обеда и ушла. Еще вопросы будут?

Она вовсе не собиралась выбалтывать издательским теткам про все, что случилось с ней вчера. Да они бы, скорее всего, и не поверили. Лера снова отвернулась к окну, а Софья Петровна, прокашлявшись, подняла глаза на Настасью Ильиничну и предложила:

– Позвони ей сама. Конечно, говорят – не буди лихо, пока оно тихо, но раз уж нужно...

Настасья Ильинична вздохнула, покачала головой, достала телефон, набрала номер и послушала.

Потом положила телефон и проговорила:

– Не отвечает...

Все замолчали. Женя налила себе чаю, отпила. Чай остыл и пахнул веником, впрочем, он и горячий тем же веником отдает.

– Ты кушай пирожки, кушай! – Настасья Ильинична придвинула к Жене тарелку. – Не знаю, что делать... где Альбина... куда она запропастилась... Сегодня до одиннадцати нужно успеть, иначе платежка не пройдет...

Женя не выдержала и снова набрала номер Альбины. На этот раз женский голос сообщил ей, что телефон выключен.

Лера на этот раз промолчала, но во взгляде, который она бросила на Женю, было какое-то новое, незнакомое выражение – то ли удивление, то ли неприязнь. Раньше ничего подобного не было. Раньше она на Женю вообще не смотрела, как, впрочем, и на остальных. Держалась отчужденно, выглядела рассеянной, глядя на нее, хотелось иногда провести растопыренной ладонью перед ее лицом – ау, Лера, очнись... Прямая Настасья Ильинична назвала ее как-то в сердцах потусторонней. И правда, Лера казалась девушкой из другого мира.

Но только не сегодня.

– Кстати, ты, Женя, сегодня хорошо выглядишь! – проговорила бесхитростная Настасья Ильинична.

Женя посмотрелась в небольшое зеркало, что висело у них в простенке между дверью и шкафом с верхней одеждой.

Разумеется, вчера она смыла весь макияж, но, странное дело, глаза все равно блестели, и волосы, чуть подстриженные Жанной Романовной, окружали лицо светлым ореолом. И правда неплохо, Женя улыбнулась себе в зеркале.

Лера, которая в этот момент как раз поднесла к губам чашку, поперхнулась чаем, закашлялась и выбежала в коридор под удивленными взглядами коллег.

– И еще, – подала голос Софья Петровна, – раз уж ты пришла, когда допьешь чай, сходи на склад. К двенадцати придет Мухоедов, нужно ему принести сотню экземпляров.

– Почему я... – привычно начала Женя, но Софья Петровна на этот раз не удостоила ее обычным ответом. И так все ясно, все как обычно: у Настасьи радикулит, у Софьи бронхит, а Лера очень кстати куда-то подевалась.

Женя вспомнила, что увидела в Третьем Цеху в прошлый раз. Перед ее глазами всплыло мертвое, землистое лицо с пустыми тусклыми глазами... бледный шрам, пересекающий бровь... тот страх, который она испытала, увидев на полу труп...

Да, но труп исчез, и потом она видела его, то есть не труп, а живого человека на вчерашнем приеме, будь он неладен совсем!

Ей ужасно не хотелось идти, но что поделаешь, видно, такая уж у нее судьба...

Женя вздохнула, потянулась было за третьим пирожком, но раздумала – это будет уже перебор. Еще немножко подумала – и все же взяла пирожок, но не откусила, завернула в листок испорченной корректуры – не для себя, для таинственного существа из Третьего Цеха.

– Чашку мою помоете? – бросила она Софье Петровне.

– Помою, помою!

Женя поднялась, взяла тележку, вышла в коридор. Но, открыв уже дверь, вернулась и надела куртку. На всякий случай. Мало ли, как дело повернется.

Как всегда, в кармане были ключи от квартиры... но денег не было. Женя полезла в сумку за кошельком, и тут всунулась Софья Петровна:

– Ну что ты копаешься, дверь распахнула, комнату выстудила! Ты же знаешь, что у меня бронхит!

– А будете ругаться – вообще не пойду! – рявкнула Женя. – Что, в самом деле, я у вас самая крайняя всегда!

Она напустилась на Софью, чтобы та не увидела в ее сумке маленькую серую сумочку, удивительно красивую сумочку, которую вчера она получила вместо своей от дамы в розовом платье. Утром Женя взяла эту сумочку на работу, чтобы предьявить Альбине. И вот теперь решила взять ее с собой. Она не спрашивала себя, зачем, просто руки сами сунули сумочку под куртку.

В дальнем конце коридора Лера разговаривала с какими-то двумя мужчинами. В облике этих двоих было что-то знакомое и в то же время непривычное. И в самой Лере тоже было что-то непривычное. Она как-то изменилась.

Ах, да – обычно она бледна, загадочна и молчалива, как королева эльфов, слова от нее не дождешься, а тут она оживленно разговаривает с этими двумя подозрительными типами, и лицо разрумянилось, и даже жестикулирует... вот она даже коротко рассмеялась... совсем на нее непохоже!

Женя пригляделась.

Хоть их и разделяло приличное расстояние, но ей показалось, что она узнала этих двоих мужчин. Одинаковые темные костюмы, неловко сидящие на накачанных фигурах, одинаковые настороженные взгляды, одинаковые повадки опасных хищников...

Это были те двое мужчин, от которых она накануне пряталась на парковке! Надо же, нашли ее таки! Но как? А может, они искали Альбину? А эта сволочь Лерка выдала им ее,

Женю. Дескать, где Альбина не знаю, но вон та может знать. Ведет себя странно, какие-то у нее с Альбиной были дела, что-то про нее точно знает...

Ну надо же, наша спящая красавица очнулась от летаргического сна! И прекрасно себя чувствует в иной ипостаси...

Сердце Жени пропустило один удар, а потом забилося в бешеном, невообразимом темпе. Она повернулась и пошла в противоположную сторону.

Только не бежать! Если она побежит – эти двое заметят ее и бросятся в погоню!

А те двое уже закончили разговор с Лерой и неторопливо пошли в ее сторону.

Тут она подошла к двери лифта, нажала кнопку.

К счастью, кабина была на их этаже, и двери сразу гостеприимно раздвинулись.

Женя торопливо вошла в лифт, в последнюю секунду боковым зрением заметив, что двое мужчин стремительно приближаются и уже перешли на бег.

К счастью, она успела нажать кнопку, кабина закрылась и заскользила вниз.

Вот кабина остановилась на первом этаже, двери с громким лязгом раздвинулись. Женя вышла из лифта, катя перед собой тележку, прислушалась...

И тут же услышала стремительный, дробный топот, несущийся с лестницы.

Ну да, те двое не стали дожидаться лифта, они побежали вниз по лестнице, чтобы перехватить ее здесь, в пустых коридорах полуподвального этажа. Здесь, где им никто не помешает, где с ней будет куда легче расправиться.

Женя припустила знакомым коридором в сторону цеха. Не потому, что на что-то надеялась, на что-то рассчитывала – а просто побежала в привычном, знакомом направлении.

Тележка предательски грохотала, выдавая ее местоположение, но Женя уже не обращала на это внимания, она бежала, чувствуя себя затравленной дичью...

Вот она добежала до знакомой железной двери, рванула ее изо всех сил...

Дверь, как всегда, подалась с трудом, с тяжелым, надсадным скрипом. Не скрипом – горестным, трагическим стоном. И как всегда, раскрылась не до конца, словно ей что-то мешало.

Женя с трудом протиснулась в дверь, боком протащила тележку. Промелькнула мысль – а зачем вообще она эту тележку тащит, ей бы самой спастись...

Но эта мысль тут же ушла на глубину, остался только страх, только желание бежать, бежать от преследователей. Только древний инстинкт, оставшийся с незапамятных времен.

В Третьем Цеху, как всегда, царил настороженный, неприязненный, враждебный тишина. Женя быстро шла по узкой тропинке, проторенной среди старых станков и пустых фанерных ящиков, среди этого заколдованного леса. Ну да, где же еще бежать затравленной дичи, как не в заколдованном лесу!

Как всегда, ей казалось, что там, в этом лесу, в этой груде бесполезных, истлевших вещей, таится что-то неведомое – но теперь эта неведомая сила казалась ей не такой враждебной, не такой опасной, как те двое, что бежали по ее следу.

Как всегда, в углу что-то зашуршало, и Женя привычно пробормотала, не поворачивая головы:

– Это я! Ты позволишь мне пройти?

И как всегда, из дальнего угла донесся едва слышный таинственный шепот:

– Поспеш-ши! Проходи!

Женя сделала еще несколько шагов – и на мгновение задержалась, чтобы положить на знакомый ящик свое приношение духу этого цеха – пирожок Настасьи Ильиничны.

И снова бросилась вперед.

И вдруг прямо перед ней на тропинку упал огромный ящик. Этот ящик перегородил дорогу к двери, ведущей на склад. Он намертво закрыл дорогу и был слишком велик, чтобы Женя смогла сдвинуть его собственными силами...

Женя замерла, ее окатила волна ужаса.

Этот загадочный цех не помог ей, наоборот – он перекрыл ей единственный знакомый путь, чтобы она скорее попала в руки преследователей...

И в ту же самую секунду она услышала за спиной горестный, тоскливый стон...

Ну да, это открылась железная дверь, чтобы пропустить тех двоих людей...

Женя сжалась, сгорбилась, опустила голову.

Она больше ни на что не надеялась.

Сейчас эти двое догонят ее, и все будет кончено. Осталась, может быть, всего одна минута. Может, оно и к лучшему. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

За спиной у Жени раздались тяжелые приближающиеся шаги.

И вдруг откуда-то справа, из груды бесполезных обломков, до нее донесся знакомый шепот:

– Пос-спеши!

Женя изумленно распахнула глаза.

Он что, издевается? Куда спешить, если дорога перегорожена огромным ящиком?

И снова до нее донеслось едва слышное:

– С-сюда!

Она повернула голову в сторону шепота – и увидела сбоку от перегороженной тропинки большой заржавленный станок, что-то вроде старинного печатного пресса. Внутри этого станка был узкий темный лаз, через который она вполне могла бы пробраться...

Тут у нее за спиной раздался оглушительный грохот, словно там сошла горная лавина.

Женя против своей воли оглянулась – и увидела, что груда деталей и ящиков обрушилась на тропинку. Судя по всему, как раз на тех двоих, которые ее преследовали.

Из-под обвала донеслась приглушенная ругань, груда зашевелилась – преследователи были живы и здоровы, обвал их только немного задержал, дав Жене небольшую фору.

Из-за груды ящиков до нее снова донесся знакомый свистящий, едва различимый шепот:

– Пос-спеши!

И правда, нельзя было терять драгоценные секунды, которые она выиграла благодаря обвалу. Женя сбросила оцепенение, метнулась в сторону, согнулась и нырнула в темный лаз, внутрь заржавленного печатного пресса, поползла по нему, собирая по пути многолетнюю слежавшуюся пыль, оказалась в темной извилистой пещерке, образованной десятком нагроможденных друг на друга ящиков, встала на четвереньки и двинулась дальше, стараясь не шуметь и не думать о том, что будет, если все эти ящики обрушатся на нее.

Сзади, там, откуда она только что убежала, снова раздался грохот, затем послышались тяжелые шаги – должно быть, преследователи выбрались из-под завала и бросились вперед. Потом прозвучал раздраженный, резкий голос:

– Куда она подевалась?

Ему тотчас ответил второй голос:

– Да куда она могла деться? Здесь где-то!

Женя снова поползла вперед... и вдруг проход, по которому она двигалась, уперся в стену.

Что теперь?

Она сама себя загнала в ловушку. Теперь ее положение стало в буквальном смысле безвыходным. Правда, ей пока что удалось спрятаться от преследователей, но надолго ли?

Женя постаралась взять себя в руки, успокоиться.

Главное, не паниковать. Нужно внимательно обследовать свое укрытие, может быть, отсюда можно как-то выбраться...

Легко сказать – обследовать! Вокруг было темно, как в животе у крокодила.

Только не паниковать! Нет ничего опаснее паники!

У человека помимо зрения есть еще четыре чувства. В частности, осязание.

Женя на ощупь обследовала стены прохода – нигде не было выхода. Со всех сторон были только плотно составленные ящики. Тогда она ощупала стену перед собой – и нащупала на этой стене привинченную к ней решетку. Должно быть, это была решетка, закрывавшая вентиляционный ход. Судя по размерам этой решетки, вентиляционный ход достаточно широкий, чтобы по нему мог проползти человек. По крайней мере, такая худенькая девушка, как Женя.

Женя внимательно ощупала решетку, нашла винты, на которых она держалась. Если их отвинтить, можно попытаться пролезть внутрь... вот только как их отвинтить?

Она попробовала отвинтить один винт ногтем – но ноготь тут же сломался, а винт даже не шелохнулся. Нет, так дело не пойдет... только все ногти обломаешь...

Черт, что же делать?

Попытаться выбить решетку? Но из этого ничего не выйдет, удары только крепче прижмут ее к стене, да и шум поднимешь, выдашь свое положение...

Женя в сердцах ударила кулаком по одному из ящиков...

И тут же что-то упало рядом с ней на пол, отчетливо звякнув по бетонному полу. Женя пошарила по полу рукой и нашла там мелкую монетку.

А что... монеткой вполне можно открутить винты... вот интересно, откуда взялась эта монетка в самый подходящий момент? Неужели ее подбросило то самое загадочное существо, обитающее в Третьем Цеху? То самое существо, которому она каждый раз оставляет какое-нибудь маленькое угощение?

Она взгляделась в темноту и прошептала:

– Это ты мне помогаешь? Спасибо!

И из темноты снова донесся тот же самый шепот:

– Пос-спеш-ши!

– Сама знаю! – вздохнула Женя и с новой силой принялась за решетку.

Монетка вполне подошла на роль отвертки, в темноте она даже удобнее. Один за другим Женя отвинтила все винты, сняла решетку и заглянула в вентиляционный ход.

Оттуда пахло застарелой, слежавшейся пылью и плесенью, но другого выхода все равно не было.

Женя глубоко вдохнула и нырнула в проход.

Позади, у нее за спиной, снова раздался едва различимый шепот:

– С-счас-стливо!

Впрочем, может быть, Жене это просто послышалось. Ну, разумеется, послышалось.

Она ползла вперед, опираясь на локти и колени.

Вокруг было темно и пыльно, но она ползла и ползла, не останавливаясь, повторяя про себя, что чем быстрее она ползет, тем скорее все это кончится. В носу чесалось, и ужасно хотелось чихнуть, но Женя терпела, чтобы не выдать себя.

Вдруг впереди раздался тонкий противный писк.

О господи... неужели это крысы?! Только этого не хватало!

Женя негромко постучала по стенке короба, чтобы отпугнуть крыс, и снова поползла вперед. Так прошло еще несколько бесконечных, отвратительных минут, и наконец впереди показалось бледное, расплывчатое пятно света.

Этот свет добавил Жене сил, она поползла быстрее.

Свет становился все ярче и ярче, и наконец перед Женей показалась еще одна решетка.

На этот раз Женя просто ударила ее кулаком. Теперь она не боялась шуметь, поскольку уползла далеко от своих преследователей, да и выбить решетку наружу легче...

Раз, и еще раз... еще удар...

Решетка понемногу поддалась, один ее край отогнулся, теперь дело пошло намного легче, и скоро решетка отлетела, и Женя смогла выползти наружу.

То есть, не совсем наружу. Она оказалась в большом пустом помещении с низким потолком и сырыми бетонными стенами, вдоль которых были проложены трубы и кабели.

Должно быть, это был подвал бывшего завода, где проходили трубы отопления и электрические провода.

В дальней стене этого подвала, под самым потолком, было несколько небольших окошек, настолько грязных, что через них едва проникал бледный сероватый свет.

Женя растерла онемевшие ноги, отряхнулась от пыли, подошла к одному из этих окон.

Внизу под окном спала рыжая кошка. При приближении Жени кошка проснулась и недовольно мяукнула.

– Не бойся, я тебя не трону! – проговорила Женя, встав на цыпочки, чтобы выглянуть в окно.

Сквозь грязное стекло она разглядела улицу. Время от времени мимо окна проходили чьи-то ноги. Там была свобода, там был свежий воздух и дневной свет...

Женя оглядела подвал, нашла пару ящиков, подтащила их к окну, поставила один на другой и забралась на них. Теперь она легко могла достать до окна. С трудом отодвинув заржавленный шпингалет, она открыла окно, подтянулась и вылезла на улицу.

Она осознала, что сумела сбежать от двоих преследователей... и что в этом ей помог тот... точнее, то, что обитает в Третьем Цехе. Кто бы или что бы это ни было – привидение или живое существо – но благодаря ему она все еще жива и свободна...

Женя огляделась по сторонам. Она оказалась в тихом, почти безлюдном переулке, проходившем позади бывшего завода. По тротуару мелкими шагами шла маленькая старушка с аккуратно уложенными голубыми волосами, с крошечной собачкой на поводке. Собачка, увидев Женю, залилась истошным лаем. Ее хозяйка уставилась на девушку, испуганно перекрестилась и припустила прочь, что-то бормоча под нос и оглядываясь.

Женя представила, как она выглядит после путешествия по вентиляции, и тяжело вздохнула.

В таком виде даже в общественный транспорт не войдешь, а значит, до дома не доберешься... И потом, домой-то ей теперь тоже нельзя, Лерка небось и адрес ее тем двоим выболтала, и номер телефона дала. Да... мобильник Женин остался в квартире Ушакова, и сумка ее там же, и джинсы почти новые, и ботинки зимние, сегодня пришлось вообще в кроссовках идти. А что, она женщина работающая, у нее шкафа, набитого дорогой одеждой, дома нет...

Женя еще раз взглянула на старые джинсы и здорово поношенные кроссовки, которым не пошло на пользу путешествие по вентиляции, и вздохнула – придется все это выбросить. А пока хоть как-то привести себя в порядок.

Она побрела по улице, оглядываясь по сторонам, и тут увидела невзрачную вывеску «Кофейня «Уютный уголок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.